

21.4.95

Конюхова Татьяна

В 50—60-е годы актриса Татьяна Конюхова занимала заметное место на кинематографическом Олимпе. Хрупкие и мужественные, обаятельные и греховные, ее героини даже в регламентированных цензурой обстоятельствах жили на экране довольно раскованно. С присущим ей темпераментом и независимостью Конюхова пыталась отстоять право женщины на счастье, хотя удавалось это ее героиням не так уж часто.

Шло время, потом оно стремительно понеслось, что ни день являя очередные перемены. Татьяна Конюхова все реже появлялась на экране. С одной стороны, такова печальная закономерность актерской жизни в кино. С другой — горькая несправедливость, мешающая зрителям продолжить встречи с яркой, интересной актрисой. Как себя чувствует «звезда» сегодня?

— Начнем с того, что я не люблю само слово «кинозвезда». Это что-то очень отдаленное от реальной жизни. Я же человек вполне реального мышления и существования, вышедший из обычной российской семьи и живущий обычной жизнью. Нет у меня «голубых кровей», титулов, высокородных предков. Я всегда ощущала себя труженицей — такой же, как и многие вокруг меня.

— Вы очень рано начали сниматься, еще студенткой. Вас сразу узнали и полюбили. Неужели это никак не изменило вас, ваше мировосприятие?

— Я училась в институте, когда в центре Москвы, на площади Революции, повесили огромную афишу с моим портретом — это была реклама стереоскопического фильма «Майская ночь». Она висела очень долго, поскольку и фильм шел несколько лет, тогда таких картин было раз-два и обчелся. Проходя мимо, я всякий раз думала: «Скорее бы это сняли!» Не покидало ощущение неловкости.

— Зато мне вспоминается фильм «Москва слезам не верит», где вы поднимаетесь по лестнице, символизируя некое шествие «звезд» прошлых лет. Вы там — одна из самых прославленных, любимых, стоящих внизу люди восторженно вас приветствуют. Как все это совмещается с вашим личным взглядом на собственную популярность?

— Никак не совмещалось и не совмещается. Я ходила по улице, стараясь не обращать на себя внимания. Не хотела, чтобы меня узнавали. Хотя не помогало. Во-йду в «Гастроном» купить сто граммов колбаски, усталая, голодная, а очередь сразу как зашелестит: «Гляди-ка, артистка». И артистка бегом из магазина...

— Так и не купив колбасы?

— Так и не купив. Возвращалась в комнату, которую снимала десять лет, своей не было, ела, что попадало под руку. Поверьте, я не кокетничаю, рассказывая о своей жизни тех лет.

— Неужели всему причиной была ваша природная застенчивость?

— Не то... Попробую сформулировать. Меня постоянно мучило ощущение какой-то бессмысленности того, что я делаю. Казалось, все это мгновенное, преходящее. Бесследно исчезающее. Я понимала, что жизнь сложнее, чем фильмы, в которых доводилось играть.

— Между тем вы были, можно сказать, эталоном советской актрисы, женщины. Недаром в картине «Карьера Димы Гори-

Вот такой благонаправленной девицей я появилась во ВГИКе. С косой через плечо, одно платье на мне, другое, зимнее, в чемодане.

Поступало на актерский факультет человек восемьсот, были среди них та-а-кие красавицы! У меня все оборвалось, когда я их увидела... Меня приняли в числе пятнадцати счастливцев в мастерскую Василия Васильевича Ванина. Как же я была рада! Все мне нравилось — не только занятия по мастерству, но и танец, вокал, физкультура... Мы вооб-

Помимо таланта, которым их наградила Бог, они были учениками великих педагогов. Ольга Иванова училась в 1-й школе-студии Художественного театра, постигла систему актерского мастерства с такими корифеями, как Михаил Чехов, Вахтангов, Диккий... Она стала партнершей Станиславского в спектакле «Трактирщица» Гольдони и покорила своим мастерством сцены Берлина, Парижа, Нью-Йорка... Константин Сергеевич был ее Богом. Смертельно больная, незадолго до конца, она

мых популярных ваших героинь...

— А ведь прочитав сценарий этой картины, я приехала на студию отказываться от роли. Сказала знаменитому в то время режиссеру Лукову, что все примитивно, плоско, играть не буду... Он чуть не потерял сознание от моих слов. В конце концов уговорил меня. Но я всегда убежала, хотела убежать от ярлыка, который ко мне приклеился — «лирическая актриса». Мне было этого мало. Ко-

«Однажды сказала себе: Хватит!»

Интервью с народной артисткой России Татьяной Конюховой

на» молодые рабочие, составляя портрет идеальной девушки-мечты, в итоге создают ваше изображение...

— То была просто шутка авторов фильма, не более... Да, на самом деле имел место какой-то период, когда я довольно активно испытывала на себе любовь зрителей. Тогда у наших картин была огромная аудитория не только дома, но и за рубежом. Письма шли пачками, были даже из Югославии, Индии, Китая. Хотя на руках меня никто не носил, конверта с миллионом в руку не вкладывал, машин не дарил. Вся эта атрибутика последних лет мне весьма не симпатична. Я же чувствовала себя не «звездой», а частью своего общества. Оно дало мне жизнь, в ответ я отдавала все, на что была способна. Мне кажется, так жило все мое поколение.

— С этой мыслью вы и пошли в актрисы?

— Ну, в юности я так конкретно не мыслила. Было желание играть. Знала наизусть все оперы, подражала певцам — от Галли Курчи до Эдит Утесовой, Шульженко. Когда старшие уходили, надевала мамины платья, играла, изображала что-то. Даже фейерверки устраивала. И актриса, и зритель в одном лице. Конечно, бегала в кино. Фильм «Цирк» смотрела двадцать один раз! Окончила школу, поехала поступать во ВГИК. Родители отнеслись к этому весьма иронично. На вокзале папа, погладив меня по голове, сказал: «Ничего, провалишься — вернешься домой, выучишься бухгалтерскому учету...» Мама была жестче: «Куда тебе в калашный ряд!» Они держали меня в великой строгости. Ровно в десять часов отец приходил за мной на школьные вечера и увозил домой, без комментариев.

же умели радоваться жизни.

— Почему же вы числитесь ученицей знаменитых педагогов Ольги Ивановны Пыжовой и Бориса Владимировича Бибикова, если были приняты к Ванину?

— Ванин умер, когда мы перешли на второй курс. Я к тому времени уже снималась, меня пригласили еще первокурсницей в картину «Спортивная жизнь» (это был эпизод). Первая главная роль — Ганна в «Майской ночи». Моими партнерами были титаны сцены — Эмма Цесарская, Александр Хвыля. Приехала я на натурные съемки и... наступил кризис. До этого я снималась в павильонах, там все было похоже на институтские занятия, а здесь все взаправду: сады в вишневом цвету, хаты, степь... Совершенно иное ощущение себя в пространстве. Чувствую, что ничего не умею. Подумала, может, лучше вообще уйти из кино? В этом состоянии написала письмо ректору ВГИКа, попросив оставить меня «на второй год». В результате и попала в мастерскую Пыжовой и Бибикова, которые заметили меня еще на приемных экзаменах и потому согласились принять к себе.

— Это был удивительный курс, о котором во ВГИКе до сих пор рассказывают легенды.

— Достаточно просто назвать имена моих сокурсников — Изольда Извицкая, Руфина Нифонтова, Надежда Румянцевна, Майя Булгакова, Валентина Владимировна, Юрий Белов, Алексей Пархоменко...

— Имена действительно прекрасные, но почти все эти люди безвременно, драматически ушли из жизни, будто над ними властвовал рок...

— Время всегда отнимает лучших, а они и были лучшими.

едва слышно сказала дочери: «Станиславский — гений!» Ее ученики, кроме моего курса, — Вячеслав Тихонов, Нонна Мордюкова, Сергей Гурзо, Екатерина Савинова, Софико Чиаурели, Тамара Семина, Леонид Куравлев, Виктория Федорова... В ее почерке была своя мета. На одном из фестивалей я встретила с замечательной туркменской актрисой Маей Аймедовой, наблюдав за ней, спросила, не училась ли она у Бибикова и Пыжовой? «Да, училась», — ответила она.

Ольга Ивановна держала нас строго, никогда не хвалила, а Борис Владимирович говорил, что актерский труд — тяжелая работа, сегодня успех, завтра провал, остается только работа.

— Может быть, потому в ваших героинях ощущим стержень, позволявший им сопротивляться обстоятельствам?

— Прежде всего нечто подобное заложено в моей натуре, а жизнь, учеба тому поспособствовали. В раннем детстве я знала, что всем обязана Ленину, Сталину, дедушке Калинин. А потом мой отец куда-то пропал, привезли его из тюрьмы полумертвого. Это был для меня первый жизненный удар, после которого я стала иначе относиться к нашему строю.

— Как же вам удавалось с таким неприязненным советских постановок играть передовых комсомолок вроде Кати Головань в «Добром утре»?

— Для меня неважно было, комсомолка она или нет... Важно, что она совершает поступки сообразно собственной непокорности и импульсивности. Всегда старалась найти и открыть в героинях что-то человеческое: любовь, самопожертвование, верность...

— Это вы уже рисуете портрет Сони Орловой из фильма «Разные судьбы», одной из са-

нечно, какое-то количество подобных характеров переиграла, но однажды сказала себе: «Стоп! Хватит!»

— Куда вас больше всего тянуло?

— В трагифарс, о котором тогда мечтать не приходилось, откуда ему было взяться? Мне повезло, когда я встретила с режиссером Константином Наумовичем Воиновым, он давал мне характерные роли.

— Недавно по телевидению показали фильм Воинова «Солнце светит всем», вы снимались там в роли Таси, женщины, которая оставляет мужа, ослепшего на войне, то есть совершает большой грех, предаст. Но почему ее жал, несмотря ни на что?

— Не столько она греховна, сколько слаба духом. Раньше у нас слабость приравнивали к пороку, но что делать, если таким человек родился? Недостало у нее силы на подвиг любви — так это ее беда, потому, наверное, жаль ее.

— У Воинова вы играли и Химку в любимой зрителями, вечной «Женитьбе Балзаминова», потрясающее создание, по-моему, без единой извилины, но такое доброе, жизнелюбивое...

— Воинов решительно увел меня от передовых строительно-социализма. Работа в его картинах, мне кажется, даже внешне меня изменила. Правда, это не слишком способствовало моей дальнейшей актерской судьбе. Я протестовала против своей киноположительности, и мне этого не простили. Есть актеры, мирно плывущие в заданном русле, я же не могла просто плыть. Не хотела. И стала постеренно сходить — бунтарей не любят.

— Что вам помогло пережить творческие паузы?

— Я была очень счастлива в личной жизни. Мой муж Владимир Кузнецов был интереснейшим, уникальным человеком. Заслуженный мастер спорта. Один из сильнейших копьеметателей мира. Доктор педагогических наук, профессор. Основоположник антропосоциологии, науки о резервных возможностях человека. Антропосоциологию похоронили вместе с ним. Был 1986 год, рушили все. Сегодня результаты налицо... Но я не теряю оптимизма. У меня хороший сын, невестка, внучка.

— О чем вы больше всего жалеете сегодня?

— Мало играла в театре. Хотя были любимые работы — в «Дурочке» Лопе де Вега, «Комедии ошибок» Шекспира. Сыграла Варвару Ставрогину в инсценировке «Бесов». Была приглашена Малым театром на роль Нины в «Маскараде», но постановка не состоялась, и я опять ушла в кино.

— Вы по-прежнему активно участвуете в жизни кинематографа. Как вы оцениваете нынешнюю ситуацию?

— Кричат о кризисе. Кризис в искусстве всегда отражение общественного кризиса. Если же конкретнее... Мне кажется, что в 1986 году, на славном V съезде кинематографистов, поломали немало ценного, десятилетиями складывавшегося. Я всегда ценила и ценю отношение зрителей к кино, сейчас эта связь разорвана. Народ не видит своих картин. Не знает молодых художников. Слава Богу, не забыли старших — Кириенко, Ларионову, Румянцеву, Мордюкову, Конюхову — знаю по встречам. А у молодых нет выхода к зрителям. Правда, иногда думаю: может быть, и хорошо, что не видят люди это «новое кино», залитое кровью? С его стрельбой, руганью, грязным сексом... Не зря зрители так прилипают к телевизору, когда идут мексиканские сериалы. Да, они легковесные, примитивные, но там есть любовь, страсти, победа Добра, победа Любви. Так что стоит и нам задуматься, чего от нас ждут...

Обратите внимание: одна из немногих российских картин, собирающая полные залы, — фильм Никиты Михалкова «Утомленные солнцем». Там мир открыт через психологию героев, их взаимоотношения. И все это про нас, про нашу с вами жизнь! Недаром у Михалкова замечательно открылись молодые артисты — Ингеборга Дапкунайте, Олег Меньшиков, Евгений Миронов, им было что играть...

— Я знаю, у вас подрастает внучка. Хотели бы вы, чтобы она стала актрисой?

— Я этого не боюсь, потому что профессия прекрасная. Только уж больно мы бесхозные. Помните, в фильме «Начало» героиня все удивлялась, что никто ее не приглашает вновь сниматься после блестящего дебюта, все повторяет: «Странно... Странно...» Очень хочется, чтобы таких «странных» ситуаций не было в реальной актерской судьбе...

Беседу вела Эльга ЛЫНДИНА.

